

Der Generalbevollmächtigte des Reichs
für die Baltischen Länder

Riga, den 16. November 1918.

ПРИБАЛТИЙСКИЙ ИЗЛОМ

1918 – 1919

Август Винниг у колыбели
эстонской и латышской
государственности

Unsere Vermögen, die
werden, die Verwaltung an
die Organe der provisorischen
Regierung

August Winnig

Август Винниг
Прибалтийский излом
(1918–1919). Август Винниг
у колыбели эстонской и
латышской государственности
Серия «Прибалтийские
исследования в России»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48445356
Русская книга; Москва; 2019
ISBN 978-5-907211-24-7

Аннотация

Впервые выходящие на русском языке воспоминания Августа Виннига повествуют о событиях в Прибалтике на исходе Первой мировой войны. Автор внес немалый личный вклад в появление на карте мира Эстонии и Латвии, хотя и руководствовался при этом интересами Германии. Его книга позволяет составить представление о событиях, положенных в основу эстонских и латышских национальных мифов, пестуемых уже столетие. Рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг интересующихся историей постимперских пространств.

Содержание

«Эта Латвия держалась на германских штыках»	6
К анамнезу независимости Прибалтики: зеркало мемуаров Августа Виннига	9
Предисловие автора	30
1. Как я оказался на Востоке	32
II. Делегат к латышам	43
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Прибалтийский излом (1918–1919). Август Винниг у колыбели эстонской и латышской государственности

ПРИБАЛТИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИИ
ФОНД «ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ»

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПРИБАЛТИЙ-
СКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Перевод с немецкого языка к. и. н. Л. В. Ланника

Предисловия, комментарии:

к. и. н. Л. В. Ланник Н. Н. Кабанов В. В. Симиндей

В оформлении обложки использован акт на немецком языке от 26 ноября 1918 г. о признании германским правительством Народного совета и Временного правительства Латвии, подписанный генеральным имперским уполномоченным по Прибалтике А. Виннигом.

Автограф, печать. Источник: Ādolfs Šūde.

Latvijas vēsture 1914–1940. Stokholmā: Daugava, 1976. XV.

1pp.

Оригинал немецкого издания:

Winnig A. Am Ausgang der deutschen Ostpolitik: persönliche Erlebnisse und Erinnerungen. Berlin, 1921. 126 S.

(*Винниг А. На исходе германской политики на Востоке: личные впечатления и воспоминания. Берлин, 1921.126 с.*)

«Эта Латвия держалась на германских штыках»

Столетие государственности, праздновавшееся в Риге самым пышным образом, обошлось без упоминания Августа Виннига. Хотя немецкого акушера латышской независимости можно было бы почтить если не названием улицы, как отказавшего в признании советизации 1940 года заместителя госсекретаря США Сэмнера Уэллеса, то хотя бы персональной почтовой маркой.

Германский социал-демократ, впервые посетивший оккупированную Ригу еще при кайзере Вильгельме – с целью подготовить колонизацию Остзейского края по профсоюзным путевкам, неожиданно стал спецпредставителем Республики (которую он, впрочем, постоянно именует Рейхом). Ему пришлось иметь дело с малодеееспособным «опереточным» правительством Ullmann'a, которого он считал облагашенным потомком ганноверцев, оторвавшимся от своих немецких корней. Разумеется, Винниг презрительно отзывается о новоявленных политиканах, которые *«перед англичанами стелились ковром, а нам плевали в лицо»*.

Левосторонний активист вполне адекватно чувствует себя в митинговой стихии солдатских Советов. Ведь это же свой, немецкий рейхсвер. И автохтонное немецкое население

ние гордо несет знамя цивилизации: *«Они выставили всех боеспособных мужчин, чтобы те сражались с оружием в руках за независимость Латвии»*. Безусловно, Винниг – русофоб, Россия для него синоним грязи и восточного варварства. Факт, что добрая половина Риги – каменные дома в югендстиле – построена во времена Николая II, он старается не замечать, в отличие от проложенных немецкими оккупантами в Курляндии узкоколейных железных дорог.

Да, в ходе своей миссии Винниг проявил гибкость и настойчивость, талант негоцианта (поиск миллиона марок для найма шведских добровольцев) и личную храбрость (эпизод с обстрелом красными немецкого бронепоезда). Ему есть что поставить в вину неблагодарным туземцам: *«Латвийское государство существовало лишь на бумаге. Латвийское правительство вообще может управлять территорией своей страны лишь потому, что делает это под нашей защитой и на наши деньги»*.

Винниг в своей книге 1921 г. издания предрекает в самое ближайшее время ущемление прав немцев: *«Латвии будут делать все, лишь бы использовать нас как наемников, а затем, когда пора самой большой и неотложной нужды будет уже позади, тут же оставят нас с носом»*. Именно это и произошло в три этапа: при аграрной реформе; во время ущемления нацменьшинств диктатурой Ульманиса в 1934–1940 гг.; в ходе добровольно-принудительной репатриации немецкой общины в 1939 г.

На последних страницах Август Винниг слагает величественный реквием германству на восточных берегах Балтики. Но оставляет эпилог открытым: *«Просуществуют ли эти новые малые государства какое-то количество лет, или же они вскоре будут присоединены обратно, как и все прочие отпавшие от живого тела России части, а прежняя Россия возникнет вновь, – так или иначе, без немцев они обойтись не смогут».*

Спустя четверть века после завершения очередного вывода российских войск из Прибалтики германские войска вновь дислоцированы в регионе, а Германия является крупнейшим экономическим игроком в Литве, Латвии и Эстонии. Чтение небольшой, но крайне насыщенной информацией и эмоциями книги Августа Виннига поможет русскому читателю осознать извечное немецкое целеполагание на берегах Балтийского моря, оценить этот переходящий приз геополитики пристальным взглядом Германии.

Николай Кабанов,
депутат Сейма Латвии

К анамнезу независимости Прибалтики: зеркало мемуаров Августа Виннига

По сложившейся за несколько веков традиции европейского восприятия исторических событий срок в 100 лет считается достаточным для того, чтобы любые, даже весьма неоднозначные страницы прошлого отошли из области пропаганды и политизированной мифологии в сферу подлинно исторического. Так было с Великой Французской революцией, перипетиями Наполеоновских войн, так происходит и с Первой мировой войной. Это пробуждает надежды и на то, что историзация наконец постигнет и череду событий и обстоятельств, в ходе которых обрели независимость государства-лимитрофы Российской империи, в том числе и страны Балтии.

По-видимому, сознавая неоднозначность многих перипетий становления Эстонии, Латвии и Литвы, политическое руководство этих стран приняло вполне логичное решение не сводить торжества и памятные мероприятия к конкретным датам, избранным в качестве момента появления новых государств. Поэтому столетие независимой Эстонии будет праздноваться и после 24 февраля 2018 г., Литвы – не только 16 февраля 2018 г., а Латвии и после 18 ноября 1918 г. Слав-

ный юбилей продлится как минимум до годовщины Рижского мирного договора марта 1921 г., что выглядит вполне логичным. Однако, помимо этого первого шага к развитию стройной исторической картины событий, других важнейших мер к преодолению инициационного мифа в первой и единственной его редакции пока не наблюдается, особенно в научно-исследовательской сфере, хотя усилиям на этом направлении в странах Прибалтики уделяется немало внимания.

Так, в тени остаются едва ли не все демиурги независимых государств Балтии, за исключением избранных в «отцы наций» и старательно ретушированных фигур К. Пятса, К. Ульманиса и А. Сметоны. В борьбе с «советской оккупацией» и за национальную идентичность позабыты не только борцы за «красную» версию прибалтийской государственности, хотя этническую принадлежность ни Я. Анвельта, ни П. Стучки, ни даже В. Капсукаса редуцировать вроде бы невозможно. Остались «за кадром» и многие деятели из европейских стран (Великобритании, Германии, Франции, Швеции, Польши), без усилий которых отмечать вековой юбилей независимости пришлось бы при совершенно иных обстоятельствах и в другие даты.

Желая поспособствовать (вос)становлению более полного исторического полотна событий вековой давности, мы взяли на себя труд вернуть из забвения хотя бы некоторые центральные их фигуры. Это было тем более необходимо, что за

100 лет прибалтийской государственности ни у латвийских, ни у эстонских исследователей (Литвы эта книга касается в меньшей степени) времени и желания перевести на родной язык и должным образом проанализировать один из важнейших источников – мемуары Августа Виннига (*нем.* August Winnig; 1878–1956) – так и не нашлось (хотя некоторые историки цитируют его в своих работах)¹. В силу политической конъюнктуры вряд ли приходится рассчитывать и на то, что о вкладе этого германского государственного деятеля в появление будущих членов НАТО и ЕС вспомнят в современной ФРГ. Конечно, немецкие исследователи посвятили Виннигу и его участию в германской политике на Востоке целый ряд работ, однако на авансцену германской официальной позиции в связи с вековым юбилеем стран Прибалтики выдвигать его не стали.

До сих пор произведения этого известного германского политика и плодовитого публициста не переводились и на русский язык. Однако на общем фоне празднования юбилея прибалтийской независимости вполне можно надеяться, что первое русскоязычное издание книги, по-немецки названной «На исходе германской политики на Востоке», найдет своего читателя сразу в нескольких странах. Следует отметить, что если для самого Виннига прибалтийский излом

¹ См., например: *Feldmanis L, Strang a A., Taurēns J., Zunda A. Latvijas ārpolitika un diplomātija 20. gadsimtā. Rīga, 2015.152.-155. lpp.* (Внешняя политика и дипломатия Латвии в XX веке).

конца Первой мировой войны (и сразу после нее) был финалом предыдущего этапа – свертывания германской политики в регионе, то современным исследователям и читателям все же, на наш взгляд, эти же события представляются началом новой эры, ведь речь идет о зарождении государственности Эстонии и Латвии, к чему автор имел непосредственное отношение. Этим обусловлено иное название представляемых мемуаров в русском издании.

Если решение задачи по вводу в научный оборот мемуаров А. Виннига за пределами немецкоязычного круга исследователей сможет быть отнесено к длинному счету России, выставленному странами Балтии в связи с иностранной оккупацией последних, то это можно лишь приветствовать. В текущих межгосударственных и межнациональных дискуссиях о прошлом иного выхода, кроме историзации и демифологизации, попросту нет, а для этого нужно по меньшей мере выслушать «и другую сторону».

Будущий генеральный имперский уполномоченный по Прибалтике родился в 1878 г. в сердце Германии – Гарце, в многодетной семье гробовщика, а затем сделал едва ли не образцовую – по понятиям индустриальной эпохи – карьеру выходца из народа, убежденного социалиста, благодаря упорному труду и самообразованию обнаружившего в себе таланты умелого профсоюзного лидера и публициста. Как и многие его сверстники в позднем Кайзеррейхе, молодой каменщик Август Винниг с политической принадлежно-

стью определился быстро, вступив в Социал-демократическую партию Германии, стремительно набиравшую после отставки Бисмарка политическое влияние. Заслужив доверие активистскими подвигами в стычках со штрейкбрехерами и на профсоюзной работе, пройдя необходимую закалку в рядах прусской армии, Винниг к 30 годам проявил незаурядный талант митингового оратора, организатора экономических стачек и журналиста-производственника. Вполне возможно, он был и ловким карьеристом, ведь, быстро продвигаясь по партийной линии, сумел еще до Первой мировой войны успешно баллотироваться в парламент вольного города Гамбурга.

Вполне вероятно, Винниг уже тогда тяготел к правому крылу социал-демократии, все более настроенному на легальную оппозиционную деятельность в консервативной монархии и рассчитывающему на поступательное развитие парламентаризма вплоть до будущего вступления социалистов в правительство, как это произошло во многих европейских монархиях XX века. После того как в 1912 г. СДПГ получила крупнейшую фракцию в рейхстаге, под аккомпанемент трескучих фраз Вильгельма II, что он намерен быть «кайзером бедных», такие взгляды уже не выглядели ревизионистской утопией.

Первые дни августа 1914 г. покончили с антимилиитаристскими и интернационалистскими лозунгами подавляющего большинства европейских социалистов. Международное то-

варищество рабочих распалось, все (пусть и не без споров) депутаты рейхстага от СДПГ проголосовали за установление на время войны гражданского мира и за одобрение чрезвычайных военных кредитов. Вполне искренним сторонником оборонческого, националистического течения в германской социал-демократии стал и Винниг, гордившийся достижениями социализма именно в Германской империи и искавший соединения национального воодушевления с социальной справедливостью, как и многие из его сверстников в 1910-1920-е гг. Поддержка военных усилий Германии, гордость успехами кайзеровской армии привела Виннига к стремлению послужить военной машине Кайзеррейха пером. Вскоре он – как и многие интеллектуалы из различных слоев общества – стал сотрудничать с высшими штабами и военными изданиями, причем изменой классовому сознанию или долгу члена СДПГ гамбургский депутат это отнюдь не считал. В этом его вполне поддерживали и его новые знакомые, в том числе работавший на германские спецслужбы А. Парвус.

Винниг обзавелся связями в военной среде и смог преодолеть известное недоверие кадровых офицеров к «безродному сброду», которым до войны в армейской среде считали любого социалиста. Военная усталость в германском обществе и резкая критика тяжелых испытаний в безнадежной войне привели в 1916–1917 гг. к распаду СДПГ, как и многих других европейских социал-демократий. Почти 40-лет-

ний Винниг, успешно избежавший фронта, – хотя мог бы пойти добровольцем, как некоторые из его единомышленников, – осознал растущую популярность ультралевых и антивоенных лозунгов. Но на поводу у конъюнктуры не пошел, напротив, проникаясь все более националистическими воззрениями. Как и большинство его однопартийцев, большевизм он ненавидел и главной своей задачей полагал борьбу с его экспансией любой ценой. Политические перемены в Германии были неизбежны, а явное военное поражение Центральных держав наконец открыло перед социал-демократами возможность прямого участия в правительстве и внешней политике. Одним из первых ответственное назначение получил и А. Винниг, став в октябре 1918 г., еще при последнем кайзеровском правительстве Макса Баденского, специальным эмиссаром в Прибалтике, которую тогда попытались готовить к сопротивлению большевистскому вторжению, неизбежному и скорому.

При всей оправданности критики в адрес германской оккупационной политики шансов исправить ее наследие у Виннига не было вовсе. Он прибыл в Ригу и Ревель слишком поздно, а вплоть до начала ноября 1918 г. необходимости в резкой перемене курса в отношении эстонских и латышских националистов в германских штабах почти никто не ощущал. Не слишком готова была рисковать прямым конфликтом с оккупантами и местная элита – тем более что господствующие позиции в регионе исторически занимали бал-

тийские немцы, не намеренные в большинстве своем допускать формирования национальных государств. Новый эмиссар из Германии никакого «прибалтийского опыта» не имел, опираясь лишь на свою краткосрочную поездку накануне и поначалу не подозревая обо всех нюансах сложившейся за время германской оккупации расстановки сил. Но это не помешало ему «врезаться» в местную политику с места в карьер. У социалиста и бывшего пролетария А. Виннига были неплохие шансы как у посредника, но вплоть до краха кайзеровского режима возможностей для радикального пересмотра прежней политики Германии в Прибалтике он не имел.

Все изменили Ноябрьская революция, крайне быстрое революционное разложение войск 8-й германской армии в Прибалтике, растерянность штабов и беспомощность образовавшихся германских солдатских советов. Только теперь опытный партийный функционер оказался на гребне событий, фактически присвоив недостававшие полномочия, ссылаясь на поддержку его пришедших к власти в Берлине однопартийцев. Он стремился (и довольно удачно) стать «прибалтийским Носке», то есть обуздать мятежных солдат, сохранить минимальный порядок и не допустить прорыва к власти ультралевых. Пользуясь флером старого социалиста и статусом депутата еще с довоенных времен, он легко обретал доверие и солдатской массы, и местных социалистов, и дезориентированных штабных офицеров. В достижении главных его целей – сохранения всех тех позиций Германии

на Востоке, что еще казалось возможным спасти, недопущения большевизма на Запад и успешной эвакуации военного имущества, сырья и продовольствия с тех территорий, что проигравшим в Великой войне придется покинуть, – независимость Латвии и Эстонии для него была лишь средством, впрочем, как и для прибывших в регион первых британских эмигрантов. Это и характеризует отношения автора этих мемуаров к населению Остзейского края – более чем что бы то ни было.

Август Винниг в латышском и эстонском пространствах публичной истории – по большому счету фигура забвения и умолчания. Однако в научно-популярной литературе и публицистике все же встречаются краткие упоминания о нем, о его деятельности и... о потребительском, если не сказать – цинично-утилитарном отношении к нему, распорядителю реальной власти и денег, пусть и в недолгий период ноября 1918 – февраля 1919 г. В Латвии с его активностью связывают главным образом признание пореволюционным Берлином первого временного правительства Ульманиса. Наиболее показателен, на наш взгляд, пассаж из юбилейного панегирического издания 2012 г., посвященного 135-летию Ульманиса². В нем отмечается следующее:

² Следует отметить, что богато иллюстрированная книга «Карлису Ульманису 135 лет» подготовлена издательством «Лауку Авице», специализирующимся на выпуске национал-романтической литературы по истории, в сотрудничестве с Национальным историческим музеем Латвии и политической партией «Крестьянский союз Латвии», которая считает себя преемницей Латышского кре-

«Вечером 18 ноября 1918 года К. Ульманис и Г. Земгалс передали официальное сообщение о провозглашении Латвийского государства также и генеральному уполномоченному (бывшему государственному комиссару) в Риге Августу Виннигу (Winnig) (1978–1956). Роль А. Виннига в Риге, несмотря на провозглашение независимого государства, была велика – он был ответственен за остававшиеся на территории Латвии вооруженные силы Германии, более того, ему были доступны также германские финансовые средства. 25 ноября 1918 года было получено официальное согласие министра иностранных дел Германии, в котором сообщалось, что германское правительство признает Народный Совет Латвии и Временное правительство под руководством Ульманиса высшим органом государственной власти до решения мирной конференции по вопросу о будущем Латвии»³. В этой трактовке попросту не остается места оценке истинной роли А. Виннига и крайне непростых его взаимоотношений с местным политикумом. В действительности же расстановка сил и ход событий были намного сложнее.

Винниг в новом для себя качестве проявил себя ловким авантюристом, хорошим переговорщиком, способным на риск харизматическим лидером. Он возглавил борьбу за германские интересы в Прибалтике на самом сложном первом этапе Ноябрьской революции и оставался – с перемен-

стьянского союза под руководством К. Ульманиса.

³ Kārlim Ulmanim 135. Rīga, 2012.18. lpp.

ным успехом – представителем новых и все менее революционных властей Германии, вплоть до прибытия необходимых для борьбы с большевиками войск и новых командиров. Лишь в феврале 1919 г. А. Винниг смог отправиться на новый и весьма важный для продолжения его борьбы за германское будущее на Востоке пост в Восточную Пруссию. Драконовскими мерами подавив сопротивление ультра-левых, опираясь на поддержку фрайкоров и ставшего рейхс-президентом правого социал-демократа Ф. Эберта, Винниг превратил самую восточную германскую провинцию в бастион немецкого Востока и канал поставок добровольцев и оружия продолжавшим войну в Прибалтике и с большевиками, и с местным населением германским солдатам и офицерам. Резкая критика в СДПГ слишком «поправевшего» однопартийца его давно не смущала. В Восточной Пруссии он рука об руку работал с лидером консерваторов В. Каппом, который готовил попытку антиверсальского мятежа. Сам Винниг еще до предъявления 7 мая 1919 г. шокировавших Германию условий договора упорно надеялся на достижение перемирия с латышским советским правительством Стучки ради совместных действий против Антанты, однако на такие смелые комбинации, кроме самого Виннига, никто не был готов.

Поддержав Капповский путч в марте 1920 г., провалившийся за несколько дней, обер-президент Восточной Пруссии – как и его тайный кумир Г. Носке – лишился своего

поста, был исключен из партии и освобожден от профсоюзных должностей. Вот теперь настала пора вновь взяться за перо, хотя в жизни Виннига будет еще немало попыток найти и сплотить вокруг себя тех, кто станет обладателями схожего коктейля националистических и социалистических взглядов. Его флирт с военизированными группировками оказался довольно коротким. Опытный политик быстро и верно оценил перспективы тогда еще только начинавшегося сотрудничества правоконсервативных и националистических группировок с набирающим силу нацизмом. Вернуть себе былое влияние Винниг не смог, но искушению переродиться в борца за будущее Германии под свастикой не поддавался. Его прошлые заслуги в Прибалтике гарантировали ему вполне лояльное отношение нацистского режима. Долгое время Виннига вовсе не смущали антисемитские лозунги, к которым он был склонен и сам, отделяясь формальными конформистскими заявлениями и продолжая писательскую карьеру. Однако с годами его взгляды становились все ближе к идеям христианского консерватизма, что в военные годы и привело бывшего социалиста в круги организаторов событий 20 июля 1944 г. Он сумел избежать не только заключения, но и ареста гестапо, благополучно покинул будущую советскую зону оккупации, стал одним из основателей ХДС и даже удостоился в 1955 г. высокой правительственной награды ФРГ. Правительство Аденауэра не было заинтересовано в дотошной денацификации еще и этой неоднозначной в по-

литическом отношении фигуры. Август Винниг, продолжавший литературный труд до последних своих дней, скончался в 1956 г.

Как и любые мемуарные свидетельства, следующие ниже записки нуждаются в предварительной поправке не только на личность их автора, но и на обстоятельства и нюансы их написания. Из богатого письменного наследия А. Виннига была выбрана ранняя версия его воспоминаний, 1921 г. издания, хотя в дальнейшем – после окончания своей политической карьеры – он написал и куда более объемную книгу «Возвращение домой» (Heimkehr. Erinnerungen 1918–1923. Hamburg, 1935), а за 1920-1930-е гг. стал не только плодовитым публицистом, но и признанным автором художественной литературы. Однако для исследователя событий в Прибалтике в 1918–1919 гг. ценна будет именно первая редакция мемуаров Виннига, полная умолчаний о недавних (1920–1921 гг.) событиях, тонких намеков на политическую конъюнктуру ранних лет Веймарской республики, но зато свободная от наслоений последующих лет, включая не нуждающееся в излишних комментариях, но массивное влияние действительности Третьего рейха. Разумеется, писать в 43 года мемуары в качестве политического завещания, подводя окончательные итоги своей карьере, Винниг не собирался, он был полон решимости доказать свою значимость, подчеркнуть заслуги перед Германией и тем оправиться от тяжелых политических неудач. Это добавляет его тексту не толь-

ко самолюбования и тенденциозности, но и публицистического запала, гарантирует тексту все плюсы и минусы почти памфлетного жанра, а свежесть воспоминаний провоцирует на эффектные портретные штрихи, демонстрируя задатки будущего романиста.

Оказавшись в опале после Капповского путча, Винниг, издавая в 1921 г. первую свою книгу, не терял надежды вернуть себе расположение существенно закрепившегося у власти Ф. Эберта, а потому тонко дозировал свою критику центральных инстанций и присматривался к возможным союзникам среди оставшихся в рядах рейхсвера кайзеровских военных. Вполне осознавая полемичность затронутых событий, автор этой первой германской версии истории прибалтийской независимости оправдывался и дискутировал прямо на ее страницах, особенно в заключении. В тогдашней обстановке первой и самой тяжелой фазы версальского унижения Германии, на фоне тогдашнего триумфа спаянных Антантой в «санитарный кордон» государств-лимитрофов, беспощадных к бывшим метрополиям и оккупантам, болезненно переживавший утрату всех перспектив на Востоке убежденный немецкий националист мог ни в чем себе не отказывать в отношении к бывшим «подопечным», хотя демонстрировал некоторую готовность не идеализировать и своих соплеменников.

Не стесняясь исторических анекдотов и почти обценных нюансов политической физиономии тех или иных деятелей,

Винниг разоблачал, а также напоминал обстоятельства появления на свет независимой Эстонии и в еще большей степени Латвии. На фоне преобладания в современной местной историографии и публицистике лакированных портретов латышских и эстонских политиков того периода такое «срывание покровов» несколько уравнивает мифологизацию. Да и по сравнению с оправдывавшими любые действия германских властей мемуаристами из числа отставных кайзеровских генералов и статс-секретарей Винниг нередко выглядит довольно объективным, а уж преимущества взгляда очевидца, инициатора и непосредственного участника у этого типичного фаворита первой революционной волны не отнять.

При всех этих оговорках и приведенных в комментариях поправках книга Виннига остается куда менее мифологизированным описанием появления на свет независимых Эстонии и Латвии, нежели ныне транслируемая официальная версия. Сознавая недостатки приводимого здесь на русском языке немецкого взгляда на события, мы полагаем, что игнорировать их и на втором столетии истории государственности прибалтийских стран было бы попросту некорректно.

Л. В. Данник, В. В. Симиндей

Обер-президент Восточной Пруссии Август Винниг,
1920 г.

База открытых данных:

https://data.bnf.fr/en/10339674/august_winnig/

Караул кайзеровской армии у рижской ратуши.
Германская открытка, 1918 г.

Немецкие машины у Дома Черноголовых в Риге.
Германская открытка, 1918 г

3 сентября 1918 г. Открытие в Риге памятника ландштурмисту (солдату-ополченцу) в ходе празднования первой годовщины взятия города войсками Германской империи.
Германская откытка, 1918 г.

Монумент ландштурмисту «Железный солдат», изготовленный из дуба, рижане называли «деревянный Фриц». Германская открытка, 1918 г.

Стела «освободителям Либавы». Германская открытка, 1918 г.

Предисловие автора

Август Винниг

Эти личные и выдержанные в сугубо личном тоне воспоминания времен моей деятельности в Прибалтике вовсе не претендуют на то, чтобы восприниматься как глубокое историческое исследование. Для подобной работы мне попросту не хватает материалов. К документам о политических событиях того времени доступа у меня нет. В своем описании я опираюсь на письма, которые я тогда с завидной регулярностью отправлял на одни и те же адреса, а теперь ради этой цели переписка предоставлена в мое распоряжение. Письма эти писались отнюдь не в намерении позднее использовать их в качестве исторического источника, а поэтому вовсе не исключено, что в некоторых случаях не совсем точно указаны сроки и даты, однако это касается лишь двух-трех эпизодов, где мне приходилось ограничиться лишь примерным указанием – «несколько дней назад», а при попытке выяснить точную дату я, по-видимому, не смог ее установить. Хотя в данном случае это не может иметь существенного значения, я все же хотел бы упомянуть возможность подобного варианта. Кроме этих писем я пользовался также личными заметками, ведшимися в некоторых случаях весьма подробно, а порой, наоборот, очень кратко, а потому затем до-

полненных по памяти. Естественно, нельзя вполне исключать ошибки и по этому поводу, хотя я полагал долгом своим действовать со всей тщательностью и ответственностью. Ошибки эти ограничиваются датами и фамилиями; истинный же ход событий – и это я хотел бы подчеркнуть со всей настойчивостью – изложен с не допускающей каких-либо сомнений точностью.

Запись и публикация моих воспоминаний в обосновании не нуждаются.

Сначала они были написаны для издаваемого мною еженедельника «Морген», где появлялись отдельными главами. В данном издании единой книгой исправлены некоторые обнаруженные с тех пор ошибки вышеупомянутого рода. Кроме того, добавлена новая, итоговая глава.

Кёнигсберг в Пруссии⁴, 15 марта 1921 г. А. В.

⁴ Долгое время в Германии уточняли, какой Кёнигсберг имеется в виду, так же как и насчет Страсбурга. Отечественному же читателю известен в основном пример Франкфурта (на Майне и на Одере).

1. Как я оказался на Востоке

Почти сразу после занятия Эстляндии нашими войсками я должен был делать доклад на одном собрании в Альтоне⁵. Как и было объявлено, я должен был говорить о «Взаимопонимании между народами – против аннексий». Из-за недостатка времени я не смог в полной мере подготовиться к выступлению, в частности, я не имел возможности основательно обдумать положение, созданное нашим наступлением⁶, а потому чувствовал себя несколько неуверенно. Мне было

⁵ Альтона (*нем.* Altona) – город в Германии на правом берегу р. Эльба; в описываемый период являлась пригородом, а с 1938 г. частью города Гамбург.

⁶ Германское наступление началось 18 февраля 1918 г., причем на прибалтийском участке фронта оно развивалось особенно быстро. Двинск был занят в тот же день, Ревель и Псков 24–25 февраля, Нарва 3 марта 1918 г. 4–5 марта после подписания Брестского мира стала формироваться демаркационная линия между германскими и советскими войсками, просуществовавшая до конца ноября того же года. Она была намечена лишь приблизительно, долго согласовывалась и не соответствовала ни условиям Брестского мира, ни Добавочного договора к нему от 27 августа 1918 г. 3 марта 1918 г. Советская Россия подписала Брестский мирный договор с Центральными державами, который отдал Эстонию, Латвию, Литву и большую часть Белоруссии и Украины Германии. Поэтому рано утром 4 марта последние части Красной Армии оставили Нарву. Формировавшаяся в Русской армии эстонская дивизия 20–21 февраля 1918 г. по собственной инициативе вступила в переговоры с германским командованием, которое использовало ее содействие для быстрого захвата Эстляндии. Несмотря на провозглашение независимости Эстонии, германские оккупационные власти уже в апреле распустили все эстонские войска.

весьма желательно еще до доклада переговорить с видными членами партии⁷ из Альтоны. В ходе этой беседы обсуждался также и вопрос буферных государств на Востоке. Я всегда полагал противоречившим здравому смыслу то, что называли «германской политикой в буферных государствах». Не в связи с питаемым некоторыми моими товарищами по партии благородным пиететом по отношению к решениям Венского конгресса и вовсе не из-за приверженности к принципу *status quo ante bellum*⁸, а лишь вследствие своего убеждения, что исторический прогресс требует создания не мелких, не слишком эффективных национальных государств, а скорее формирования крупных и скоординированно управляемых экономических областей. Под этим я имею в виду: кому должны достаться приграничные территории русских, должна решать сила, однако самостоятельными становиться им не следует, это противоречило бы логике мировой истории, как и вообще весь девиз: самостоятельность малым нациям! Это было бы мудростью позавчерашнего дня, мелкобуржуазностью. Мне же возражали, что свершившимся фактом стало давно уже произошедшее восстановление польского государства⁹, его теперь уже нельзя отменить, а потому это вли-

⁷ То есть Социал-демократической партии Германии (СДПГ), на тот момент – социал-демократов большинства, ведь их левое крыло, независимые социал-демократы, а в их числе и будущие коммунисты из группы «Спартака», откололись еще весной 1917 г., образовав НСДПГ.

⁸ То есть возвращения к довоенному положению.

⁹ Август Винниг имеет в виду декларацию Центральных держав от 5 ноября

яет и на решение судьбы остальных буферных территорий на Востоке. Это, к сожалению, так.

Это событие и стало поводом к тому, чтобы я тут же более подробно занялся вопросами, связанными с Востоком, его историей, экономикой и управлением. Я делал это из простой обязанности гражданина хоть как-то участвовать в происходящих крупных политических событиях и не мог знать, что когда-нибудь буду использовать полученные таким образом знания и на официальном посту.

В июле 1918 г. имперское ведомство внутренних дел запросило меня, не желаю ли я предпринять исследовательскую поездку в прибалтийские земли. Я согласился и обязан

1916 г. о восстановлении польской государственности, вызвавшую большое негодование немецких националистов и консерваторов, однако долгое время имевшую мало практических последствий. После того как надежды германской Ставки обрести тем самым многочисленные союзные польские войска за счет притока добровольцев провалились, быстро дошло до конфликтов с польскими легионами, лидер которых, будущий маршал и «начальник государства Польского» **Юзеф Пилсудский** (польск. Jozef Klemens Pilsudski; 1867–1935) летом 1917 г. оказался в тюрьме за отказ присягать на верность Центральным державам. Таким образом, весной 1918 г., то есть в период, описываемый Виннигом, ни о каком настоящем восстановлении польской государственности говорить не приходилось, хотя опасный прецедент в декларативной плоскости действительно был положен. Нельзя не отметить и то, что параллельно развивалась борьба за симпатии поляков теми же средствами и так же без практических (пока) результатов со стороны России и в целом Антанты. Важным шагом была декларация Временного правительства России от 29 марта 1917 г. о признании права Польши на восстановление государственности, имевшая среди поляков определенный успех и подтолкнувшая формирование целого ряда польских национальных дивизий, а затем и корпусов в Русской армии.

был назвать и еще нескольких профсоюзных лидеров, которых можно было бы также пригласить туда. По моему предложению от планов выезда крупной общественной делегации пока воздержались, ограничившись лишь очень небольшими группами. Первая состояла из господина Пауля Умбрайт, главного редактора издаваемой объединением профсоюзов «Корреспонденц-блатт», и меня. Мы выехали из Берлина в конце сентября 1918 г. Наша поездка должна была продлиться около двух недель. Мы посетили Либаву, Митаву, Ригу, Дерпт и Ревель. Пауль Умбрайт заезжал и в Ковно, в то время как я после 12-дневного турне вернулся в Германию, где для начала дал в Берлине в имперском ведомстве итоговый устный отчет, а также заявил, что представляю и подробную записку по этому поводу.

У нашей поездки была цель – якобы познакомить ведущие профсоюзы с возможностями для расселения в Прибалтике, чтобы затем они оказали поддержку далеко идущим германским планам колонизации. Для меня эти вопросы были не совсем в новинку. Уже в 1915 г. я присутствовал на докладе курляндского помещика и организатора колонизации Сильвио Брёдериха¹⁰, который он делал перед небольшим кругом

¹⁰ **Сильвио Брёдерих** (нем. Silvio Brdderich; 1870–1952), курляндский помещик, который в 1905–1914 гг. попытался организовать массовое переселение немецких колонистов из отдаленных регионов Российской империи в Прибалтику, в итоге добившись миграции несколько тысяч человек. С 1916 г. он работал в русском отделе иностранного ведомства, занимался исследованием провинциальной прессы, заручившись хорошими связями в германской верхушке,

гамбургских политиков. В ходе недавних своих исследований я также постоянно сталкивался с новейшими попытками немецкой колонизации.

Наилучшее представление о мерах, предпринятых к тому моменту германской администрацией на прибалтийской территории, предоставила мне чрезвычайно познавательная беседа в Либаве с главой округа Гробин – бароном Книгге¹¹. Книгге и сам был управляющим в поместье (хозяйствовал в Ганновере и в Западной Пруссии), но родился он в Курляндии и там провел свою молодость. Таким образом, у него были прекрасные данные для решения связанных с темой колонизации вопросов, а кроме того, он был немецким патриотом, прекрасно понимавшим суть экономических потребностей своего Отечества. В тот момент еще нельзя было предположить, что война окончится столь сокрушительным для нас миром¹². Негативные последствия удара во фланг по-

в том числе с будущим рейхсканцлером **Максом Баденским** (нем. Maximilian Alexander Friedrich Wilhelm Prinz von Baden; 1867–1929). См.: Max von Baden. Erinnerungen und Dokumente. Berlin; Leipzig, 1927. S. 93f.

¹¹ **Вильгельм барон Книгге** (нем. Wilhelm Freiherr Knigge, 1863–1932), юнкер из нижнесаксонского рода, в 1912–1918 гг. был депутатом рейхстага от Консервативной партии, в начале Первой мировой войны некоторое время провел в кавалерийских частях на фронте, но уже в 1915 г. стал главой округа в Либаве, где и оставался вплоть до конца 1918 г.

¹² Либо Август Винниг лукавит, либо вполне честно передает всю степень неадекватности в оценке общей военно-политической обстановки в ходе Великой войны даже сравнительно информированными представителями оппозиционных политических кругов Германии. Беседа с Книгге имела место в начале октября 1918 г., когда поражение Германии было очевидно. Предполагать, что по-

сле отхода за Марну и «клещи» под Реймсом, конечно, тогда уже были. Фронт колебался. Однако тогда еще нельзя было предугадать, что крушение уже на пороге. В августе 1918 г. я или в «Глоке», который тогда был рупором германских правых социалистов, в своем открытом письме Леону Жуо, французскому Легину¹³, или даже в специальной ста-

бедившая после столь кровопролитной войны Антанта согласится на сравнительно компромиссные условия мира с побежденными, могли только отъявленные оптимисты. В оправдание политиков и дипломатов может быть принято лишь то обстоятельство, что вплоть до 29 сентября 1918 г. военные во главе с 1-м генерал-квартирмейстером **Эрихом Людендорфом** (нем. Erich Friedrich Wilhelm Ludendorff; 1865–1937), фактически руководившим Верховным главнокомандованием (ОХЛ) в 1916–1918 гг., упорно отказывались признать необратимый характер поражений на Западном фронте и прямо дезинформировали руководство страны и рейхстаг. Впрочем, осознания цены поражения в Германии, даже на самых высоких уровнях командования и правительства, не было и впоследствии, вплоть до оглашения предполагаемых условий Версальского мира в начале мая 1919 г. Разработанные без участия германской делегации, они в прямом смысле повергли даже испытывшую на себе унижительные условия Компьенского перемирия Германию в шок.

¹³ **Леон Жуо** (фр. Leon Jouhaux, 1879–1954) в 1909–1947 гг. был лидером французских профсоюзов, занимая последовательно «оборонческие» позиции. Впоследствии играл крупную роль как в межвоенный период, так и после Второй мировой войны. Лауреат Нобелевской премии мира. **Карл Легин** (нем. Carl Rudolf Legien; 1861–1920) был лидером германских профсоюзов, правым социал-демократом, депутатом рейхстага. Его соглашение с крупнейшим магнатом **Гуго Стиннесом** (нем. Hugo Stinnes; 1870–1924) во время Ноябрьской революции 1918 г. стало одной из основ будущей Веймарской республики, позволив его товарищам по партии образовать коалицию с военными против большевиков и германских коммунистов. Он же организовал сопротивление Капповскому путчу в марте 1920 г., который поддерживал А. Винниг, ведь к тому времени пути бывших однопартийцев под влиянием ряда событий, в том числе и в Прибалти-

ть о военном положении писал, что неоспоримое превосходство противника в людских и материальных ресурсах все же будет иметь успех, германские войска будут шаг за шагом оттеснены, и что поэтому победа союзников теперь стала более вероятной. Однако я писал (причем с намерением тем самым воздействовать на принимаемые в Германии решения) и о том, что германское отступление пойдет через Бельгию, а потому одна миля за другой станут театром яростной последней схватки за оккупированные территории, а потому полная военная победа может быть достигнута только ценой полного опустошения Бельгии. Я надеялся, что такая перспектива вынудит вражескую коалицию обеспечить умеренные условия мира еще до того, как дойдет до такой финальной схватки¹⁴. Но даже в этом случае положению Германии как мировой промышленной и торговой державы будет нанесен страшный удар, а потому следует по возможности позволить избыточному немецкому населению выехать в те области, где оно не лишится своей немецкой национальной принадлежности. Такими землями могли стать прибалтийские страны с их способностью принять большое количество переселенцев. Исходя из этих соображений, я с самого начала положительно относился к планам немецкой колонизации

ке, существенно разошлись. Для автора этой книги Легин превратился в имя нарицательное.

¹⁴ Получилось несколько иначе: к моменту заключения Компьенского перемирия большая часть Бельгии еще оставалась под германской оккупацией, так что до боев за Брюссель, например, дело не дошло.

прибалтийских стран.

И в этой связи немаловажно, что делалось в тот момент для подготовки масштабного переселения¹⁵. Курляндское дворянство предложило передать в распоряжение переселенцев треть своих земельных владений по ценам 1914 г. Рыцарство Эстляндии и Лифляндии подобных решений не принимало¹⁶. При этом в Курляндии провести выделение этих земель для колонистов было, естественно, нелегко, к тому же при этом стремились действовать так, чтобы между поместьями и колониями сохранялась экономическая взаимосвязь. Чтобы составить себе представление о состоянии сельского хозяйства, мы посетили несколько поместий. Общее впечатление сводилось к тому, что будущие поселенцы на этой обрабатываемой почти исключительно экстенсивно земле оказались бы в очень непростом положении, так что им понадобится оказывать существенную помощь. Не бы-

¹⁵ Германским колонизационным устремлениям и планам способствовало обезлюдение территорий Курляндии и части южной Лифляндии в результате военных действий в 1915 г., массового беженства и вынужденного переселения местных жителей, в основном латышского, еврейского и русского происхождения.

¹⁶ Важнейшей к тому причиной было то, что Курляндия была оккупирована германскими войсками еще в мае-августе 1915 г., то есть находилась к моменту поездки Августа Виннига под контролем Германии более трех лет. Рига, ее окрестности и Моонзундские острова были заняты только в сентябре-октябре 1917 г., а большую часть Лифляндии и всю Эстляндию оккупировали лишь в конце февраля 1918 г. Таким образом, помимо разной исторической судьбы трех остзейских губерний в предыдущие столетия, даже их участь в годы Первой мировой войны существенно различалась.

ло водоотведения, а вследствие этого и дренажа, скот, как мне показалось, был не особенно хорошей породы, дорожная сеть по германским меркам была очень редкой, а пути в плохом состоянии.

В этих поездках у меня порой было время, чтобы озаботиться теми вопросами, что до сих пор не являлись предметом официального контроля или государственных усилий. Посещение одной крупной военной мастерской в Либаве позволило мне составить представление о политике военных инстанций в рабочем вопросе. Мне показалось, что ситуация отнюдь не сплошь удовлетворительная. Техническое оснащение и забота о здоровье рабочих были не на высоте. Напротив, заработная плата рабочих была ужасающе скудной. Жалованье колебалось между 5 и 6,5 марки. Для сравнения: в тот момент фунт картофеля стоил 75 пфеннигов, фунт масла 1 марку 90 пфеннигов. На военных заводах в Митаве положение было лишь немногим лучше. Мои попытки переговорить с рабочими-латышами успеха не имели, эти люди мне не верили, делая вид, что ничего не понимают.

В Риге ко мне с визитом явились несколько латышских патриотов. Я обсудил с ними будущее их страны. «Только не назад в Россию!» – говорили они. Самостоятельность? Да, по меньшей мере в административных вопросах; транспорт, валюта, экономическая политика – вместе с Германией. «Мы хотим, – говорил один из них, – скорее быть на прибалтийских холмах с германской культурой, нежели на сарматских

равнинах русского варварства». То были представители имущей буржуазии; с латышскими социалистами в ходе той поездки я не встречался. Я выслушивал жалобы на суровую военную юстицию и принимал прошения и жалобы, за которые должен был замолвить слово.

В Ревеле я встречался только с той частью населения города, что имела немецкое происхождение. Наше пребывание там продлилось всего 24 часа, его хватило только на то, чтобы осмотреть порт и большую фанерную фабрику Луттера. Эта фабрика, кстати, была единственным крупным заводом, принадлежавшим частному предпринимателю, которую я видел по-настоящему работающей. Рабочие за 10-часовой рабочий день зарабатывали 12–16 марок. Куда разнообразнее было более продолжительное пребывание в Дерпте. Из всех крупных балтийских городов он был самым немецким. В Либаве, Митаве, Риге и Ревеле немецким – то есть построенным в старой немецкой манере и населенным преимущественно немцами – было только их ядро. Бедные, грязные окраинные кварталы были заполнены низенькими русскими домами, в них ни снаружи, ни изнутри не было ничего немецкого. В Дерпте нас привели на совместную трапезу с эстонцами, настроенными безусловно прогермански – это были хорошо обеспеченные горожане, ценившие в Германии прежде всего то, что она принесла с собой строгую администрацию и порядок. После еды я подсел к нескольким эстонцам и послушал, о чем они говорят. Там раздавались

и некоторые жалобы, частью на устройство школьного образования, частью на чрезмерную суровость военных судов. Мне вновь сообщили о целом ряде необоснованных арестов и немыслимо крупных сроках лишения свободы, а я обещал им содействие.

В имперском ведомстве внутренних дел я, как уже упоминалось, подвел итоги моим впечатлениям и, прежде всего, призвал по меньшей мере удвоить прямо-таки нищенские заработки, а также разрешить рабочие комитеты на заводах. Я доказывал, что невозможно основывать новые государства, опираясь лишь на тонкий слой верхушки общества. Прежде всего, следует предоставить рабочим приемлемые условия существования, если только вообще желают пробудить у них симпатии к Германии. Я не оставил никаких сомнений в том, что германские профсоюзы не смогут оказать поддержку германской политике в Прибалтике, если там нельзя будет надеяться на улучшение жизни рабочих.

Поначалу я не смог выяснить, какое впечатление произвел мой отчет. Однако после моего возвращения из поездки прошло едва две недели, как меня вновь попросили отправиться в Прибалтику, причем с вполне конкретной миссией, но, к сожалению, без полномочий. На словах мне была обещана всевозможная поддержка, так что 25 октября 1918 г. я во второй раз прибыл в Прибалтику.

Я и не подозревал, насколько задержусь там.

II. Делегат к латышам

Миссия, с которой правительство принца Макса¹⁷ отправило меня в прибалтийские страны, подразумевала, что я попытаюсь вступить в контакт с ответственными представителями эстонцев и латышей и смогу склонить их к прогерманской политике. Я считал необходимым сначала обсудить ситуацию с председателем Германской социал-демократической партии и получить от него, если возможно, некоторые контакты. На это у меня было всего несколько часов. В Берли-

¹⁷ Август Винниг совершенно напрасно не оговаривает причины резких перемен в германской политике в отношении Прибалтики, возможно, полагая, что это и так общеизвестно. Если в первый раз он выезжал в Прибалтику при правительстве графа **Георга фон Гертлинга** (*нем.* Georg Friedrich Karl von Hertling; 1843–1919), то с 29 сентября 1918 г. в Германии началась так называемая революция сверху, сопровождавшаяся парламентаризацией государственного устройства и формированием первого в истории страны кабинета с участием социал-демократов. 3 октября 1918 г. во главе нового правительства был поставлен принц Макс Баденский, который намеревался добиться согласия Антанты на переговоры о мире путем отказа от политического наследия военной диктатуры во главе с генералом Эрихом Людендорфом, существовавшей в Германии до этого. В том числе перемены касались и Прибалтики, где рейхсканцлер отмежевался от идеи образования Балтийского герцогства и его вхождения в состав Германской империи, а также лишил военную администрацию большинства полномочий. Политический курс Макса Баденского подразумевал и разрыв с большевиками ради перспективы дальнейшего соглашения с Антантой и последующих совместных с ней действий против Советской России.

не я отправился к доктору Давиду¹⁸, который тогда заседал в иностранном ведомстве. Сам-то он мало что мог мне сказать, однако передал мне множество писем рижских социалистов, где были жалобы на германскую администрацию. Доктор Давид уже смог ощутить близость краха – к политической стороне моей миссии никакого особого интереса он не выказал: говорил о «глупости и свинстве там, наверху» и советовал мне действительно основательно вникнуть в эти дела.

У меня еще осталось время, чтобы съездить в как раз заседавший тогда рейхстаг, где я смог обменяться парой слов с Эбертом¹⁹. До того я мало имел с ним дело, хотя мы довольно часто виделись на конференциях и тому подобных мероприятиях. По мне, так он был самым симпатичным членом партийного руководства. Та манера, с которой он при Бебеле²⁰ смог восстановить весьма ограниченные контакты

¹⁸ **Эдуард Давид** (нем. Eduard Heinrich Rudolph David; 1863–1930), один из лидеров правого крыла СДПГ и автор концепции «гражданского мира» в годы Первой мировой войны. В рамках политических реформ в Германии в начале октября 1918 г. занял пост заместителя главы иностранного ведомства. На высоких постах он оставался и в четырех последующих германских правительствах, вплоть до конца июня 1920 г.

¹⁹ **Фридрих Эберт** (нем. Friedrich Ebert; 1871–1925) стал лидером умеренно-го крыла социал-демократии в ходе Первой мировой войны. В качестве своего рода компромиссной фигуры по сравнению с такими неоднозначными кандидатами, как Филипп Шейдеман или тот же Давид, смог стать первым главой правительства Германской республики 9 ноября 1918 г., а 11 февраля 1919 г. был избран рейхспрезидентом, однако еще до истечения семилетнего срока скончался 28 февраля 1925 г.

²⁰ **Фердинанд Август Бебель** (нем. Ferdinand August Bebel, 1840–1913), вид-

с профсоюзами, создав или посодействовав чуть ли не идеальным отношениям между партией и профсоюзами, пробудила во мне большое доверие к его политическим способностям. Я уже здесь хотел бы сказать, что это доверие я так никогда и не утратил²¹. Его избрание рейхспрезидентом было необходимостью, и я не думаю, что кто-либо еще из других проправительственных партий смог бы исполнять президентскую должность лучше, чем Эберт. Несмотря на это, о его выборе можно было пожалеть, ведь в партии Эберта заменить было не кем; там его влияние, естественно, упало, когда он стал президентом, а это не пошло на пользу ни социал-демократии, ни рейху²². Эберт был не доволен моей

ный деятель германского и международного рабочего движения, марксистский социал-демократ, один из основателей и руководителей германской СДПГ и II Интернационала. Неоднократно избирался депутатом: рейхстага Северогерманского союза (1867–1870), Германской империи (1871–1913), за исключением 1881–1883, а также ландтага Саксонии (1881–1891). При этом многократно подвергался гонениям со стороны властей, в том числе находился в тюремном заключении и ссылке. После отмены «Закона против вредных и опасных стремлений социал-демократии», действовавшего в 1878–1890 гг., Бабель способствовал превращению СДПГ в массовую легальную политическую организацию, представленную в рейхстаге.

²¹ Весьма важное признание, учитывая, что именно Эберт возглавлял Веймарскую республику в драматические для фрайкоров месяцы второй половины 1919 г., когда они, несмотря на поддержку ряда общественных организаций Германии и властей Восточной Пруссии во главе с А. Виннигом, вынуждены были отступить из Прибалтики под давлением правительства своей же страны и Антанты.

²² По конституции 11 августа 1919 г. Веймарская республика была «рейхом», как и Германская империя, как и являвшийся ее продолжением Третий рейх.

миссией, в такие-то времена. «Здесь все пошло под откос – и чего же вы там хотите?» – спросил он меня. «Чем же я здесь могу помочь?» – спросил я со своей стороны; в остальном же моя поездка оставалась в силе, а потому никаких намерений дать себя отговорить у меня не было. Однако озабочен я все же был, об этом я хотел поговорить с Эбертом. К нам поступили угрожающие сведения о подспудном брожении среди берлинских рабочих. В течение этого года рабочее движение в Берлине доставляло все больше забот. На их политических сходках воцарился до того чуждый им радикализм. Решения и резолюции почти всегда были столь экзальтированными, что их вообще нельзя было воспринимать всерьез. Теперь же я был озабочен тем, что части рабочих, источнику таких настроений, становившаяся все более напряженной обстановка шла только на пользу и побуждала проводить собрания и демонстрации, чтобы оказать давление на социал-демократическую фракцию в рейхстаге, а также изменить их тактику. В общественное обсуждение был уже вброшен вопрос об отречении кайзера. Любой ответственный человек в такой момент не мог думать об этом, исходя из абстрактных соображений, зато обязан был озаботиться практическими военно-политическими последствиями. При том состоянии, в котором находился наш испытывающий жесточайший натиск Западный фронт, я полагал возможные следствия вырван-

Традиционный русский перевод слова «рейх» как «империя» применительно к Германии не слишком точен.

ного у кайзера отречения весьма тяжелыми и опасался для рейха самого худшего, если дело дойдет именно до такого отречения. Эти опасения я и изложил Эберту. Мы бродили туда-сюда под куполом, Эберт слушал меня чрезвычайно серьезно. Я спросил, смогут ли партийное руководство и фракция выдержать натиск радикалов. Эберт был на этот счет весьма уверен и успокаивал меня, когда я прощался с ним: «Не беспокойтесь, мы не позволим, чтобы до этого дошло».

В ходе поездки я познакомился с бароном Карлом фон Мантейфелем-Кацдангеном²³. Это был истый «балтийский

²³ **Карл Вильгельм фон Мантейфель-Кацданген** (нем. Karl Wilhelm Freiherr von Manteuffel-(Katzdangen) genannt Zoegel; 1872–1948), курляндский барон, крупный землевладелец, экономист, литератор и военно-политический деятель, выступавший за немецкое господство в Прибалтике. Высшее экономическое образование и докторскую степень в области философии и политики получил в Германии. Дворянством избирался в курляндский ландтаг от Митавы, а также на должность крайсмаршала в Газенпоте (ныне Айзпите). 31 декабря 1905 г. в ходе революционных выступлений был сожжен родовой замок Кацданген, пострадали и другие имения семейства. Выступил основателем и с 1906 по 1911 г. председателем «Ассоциации немцев в Курляндии», объединявшей широкие круги балтийских немцев и уделявшей большое внимание развитию культурно-образовательной сферы и поддержке ремесел в остзейской среде. Организовывал массовое переселение немецких колонистов с Волини и других регионов в Курляндию, численность которых к началу Первой мировой войны в губернии достигла 16 тысяч человек. В конце 1914 г. был выслан в Вятскую губернию. Летом 1917 г. бежал через Финляндию в Германию. Едва прибыв в рейх, он вызвался добровольцем во 2-й гвардейский драгунский полк императрицы Всероссийской Александры (нем. Garde-Droneg-Regiment Kaiserin Alexandra von Rufiland Nr. 2), сражался в его составе на Восточном фронте и к концу войны был уже лейтенантом резерва, награжденным в том числе Железным крестом обоих

барон». Под этим определением у нас обычно понимают чуть ли не худший в политическом смысле из всех сортов людей, созданных Богом. Что же касается Мантейфеля, то я встретил в нем немецкого идеалиста, чего как раз в данном случае никак не предполагал. Теперь следует об этом сказать: он создал в своих владениях несколько крупных поселений, где возникло около 50 крестьянских дворов, для чего Мантейфель приложил немало средств. В ходе продолжительной беседы, предметом которой, естественно, было положение Германии на Востоке, Мантейфель проявил крайне примечательную неспособность анализировать внутривнутриполитические события. Он всегда исходил из весьма широко понимаемых национальных чувств и считал все внутривнутриполитические конфликты несущественными по сравнению с необходимостью обеспечить для немцев новую землю, что было возможно только путем колонизации. Мантейфель принад-

классов. В 1918 г. вернулся в Курляндию, пытался «предложить» герцогскую корону Курляндии германскому императору. Вступил в Железную дивизию, воевал с Красной Армией в составе Балтийского ландесвера, союзного в этом вопросе латышским националистическим силам. Однако после вывода в 1919 г. немецких войск из Латвии под нажимом Антанты, правительства в Берлине и в результате ряда поражений в боях у Мантейфель-Кацдагенов решением властей Латвийской Республики окончательно конфисковали родовые замки и земли. В межвоенный период проживал в Берлине, занимался общественно-публицистической деятельностью. После нападения Германии на СССР, стремясь к реваншу, пожилой Карл Вильгельм фон Мантейфель-Кацдаген в Кёнигсберге получил подготовку в качестве зондерфюрера К вермахта (соответствовало званию ротмистра). В 1945 г. 73-летний фон Мантейфель был взят в плен войсками США, в 1946 г. освобожден, проживал в Баварии.

лежал к числу самых приятных балтийцев, которых я только знал.

В этой поездке, так же как и в первой, меня сопровождал доктор Буркхард из Гамбурга, который был прикомандирован к гражданской администрации прибалтийских территорий от полка пазевалькских кирасиров²⁴. Мы оба были жителями Гамбурга; так как мы были членами противоположных крыльев нашей партии, то до этого момента были знакомы друг с другом лишь бегло. Уже в ходе первой поездки мы с Буркхардом поговорили по многим вопросам, я встретил в его лице весьма богатого духовно человека. Длившиеся порой целый день поездки по курляндским проселкам мы использовали для длинных бесед, и так как Буркхард был в Курляндии уже три года²⁵, то он, естественно, великолепно знал и эту землю, и людей. Он любил Курляндию как свою родину. Из его семьи вышли многие опытные гамбургские офицеры; он был душой и телом ганзеец²⁶; однако ганзейство

²⁴ То есть Буркхард был офицером 2-го кирасирского полка, стоявшего гарнизоном на севере Пруссии в померанском провинциальном г. Пазевальк (*нем.* Pasewalle).

²⁵ Таким образом, почти с самого начала оккупации: Курляндия была полностью занята германскими войсками к концу августа 1915 г.

²⁶ Имеется в виду житель одного из купеческих городов, входивших в Средние века в состав Ганзы. В широком смысле под ганзейцами принято понимать особый тип северных немцев с ментальностью торговцев и мореходов, главным образом жителей Бремена и Гамбурга, что сильно отличает их, например, от бранденбуржцев и пруссаков. А. Винниг до войны жил главным образом именно в Гамбурге.

его было довольно тесно связано с немцами колонизируемых прибалтийских земель, а Рига с ее истинно немецкими домами и торговыми конторами у широкой реки Двина казалась ему просто городом-побратимом Гамбурга. Уже в ходе первой поездки мы существенно сблизились, а готовность, с которой Буркхард откликнулся на мои политические предложения, постепенно привела к таким отношениям между нами, которые основывались на взаимном доверии и симпатии.

Моя миссия сначала вновь привела меня в Ригу. Там была резиденция гражданской администрации прибалтийских стран²⁷, во главе которой стоял господин фон Госслер²⁸. Госслер был депутатом от консерваторов в старом рейхстаге. Мы познакомились еще в ходе первой моей поездки и отнеслись друг к другу выжидательно и с недоверием. Когда я нанес ему визит и сообщил о моих планах и намерениях, он заявил, что никак препятствовать мне не будет, его только порадует, если мне удастся то, что не удалось ему и его чиновникам.

В течение всего нескольких дней я завязал так много кон-

²⁷ Здесь: в безгосударственном значении слова «страна» (прибалтийские земли, занятые германскими войсками).

²⁸ **Альфред фон Госслер** (нем. Karl Max Eugen Alfred von Gofiler; 1867–1946), профессиональный юрист, выходец из юнкерской семьи. В 1908–1918 гг. был членом прусской Палаты представителей, а с 1915 г. также и рейхстага. С сентября 1915 г. по ноябрь 1918 г. возглавлял гражданскую администрацию в Курляндии, имея резиденцию в Митаве. Пытался проводить взвешенную политику, учитывая интересы не только военных, но и местных помещиков, что приводило к разногласиям с Людендорфом.

тактов с латышскими национальными партиями, что их для моих целей уже было вполне достаточно. В письмах, переданных мне доктором Давидом, отправителем значился председатель совета рабочих Риги Кляйнберг. Сначала я никак не мог найти этого человека. Стал подозревать, что это – псевдоним. Мой друг Эмиль Краузе в Гамбурге называл мне имя некоего инженера Скубика²⁹, латыша и социал-демократа. Я разыскал его. Он тут же пригласил меня остаться у него на чай, и после нескольких часов оживленной беседы я получил очень неплохой обзор латышской партийной системы, а также основных ее представителей. С его помощью я смог опознать в таинственном Кляйнберге практикующего врача Калнина. Жена господина Скубика тоже была врачом³⁰, име-

²⁹ **Эмиле Скубикис** (*латыш.* Emīls Eduards Skubiķis; 1875–1943), латышский инженер и политик. После окончания гимназии в Либаве участвовал в политической активности в качестве «новотеченца» – активиста сравнительно радикального латышского левонационального политического течения, тяготевшего на рубеже веков к марксизму и ставшего источником кадров как для большевиков, так и для правых социал-демократов. В 1898 г. был вынужден податься в эмиграцию. В 1900 г. выступил одним из создателей радикальной протопартийной сети – «Союза латышских социал-демократов Западной Европы», в котором сочеталась национальная и пролетарская риторика и делался упор на нелегальный завоз в Россию марксистской литературы через остзейские порты. Учился в Цюрихском университете, который окончил с квалификацией геолога. После возвращения в Ригу в 1918 г. был товарищем секретаря Народного совета Латвии («предпарламента») от Латвийской партии революционных социалистов, избирался в Учредительное собрание Латвии (1920–1922). Умер в Риге.

³⁰ Жена Э.Скубикиса – **Клара Гибшмане** (*латыш.* Klāra Hibšmane; 1878–1946), врач, член ЛСДРП. Первой из латышек получила степень доктора медицины (Бернский университет, 1906 г.). В Казанском университете получила пра-

ла хорошую практику, и под таким прикрытием в этом доме часто собирались на совещания многие латыши-оппозиционеры. Там я и познакомился почти со всеми латышами, которые позднее сыграли большую роль в политике.

Скубик был трудовиком³¹, то есть народным социалистом, а так как эта партия не продемонстрировала особенной жизнеспособности, он примкнул к Латышской социалистической рабочей партии, которую можно было бы сравнить с русскими меньшевиками и «независимцами»³² в Германии. Однако не следует слишком буквально приравнивать эти понятия. Так называли свою партию сами латыши и сразу же выводили из этого право высказываться в самых несдержанных выражениях по поводу «социал-империалистов Эбер-

во практиковать на территории Российской империи, работала в Вятской губернии, затем в клиниках Вены (Австро-Венгрия). В 1912 г. вернулась в Лифляндию, работала в сфере санитарного образования, в 1921–1939 гг. преподавала гигиену в Рижской городской 3-й гимназии. Оставила мемуары «Моя жизнь». Умерла в Риге.

³¹ В оригинале Винниг цитирует русский термин в транслитерации. Следует отметить, что известная идейно-организационная неустроенность и оппортунизм многих местных политических активистов позволяли с равным успехом именовать Скубикиса трудовиком, энэсом, эсером, ассоциированным меньшевиком и т. п.

³² В апреле 1917 г. от СДПГ откололось ее левое крыло – НСДПГ, куда вступил ряд крупных политиков из фракции социал-демократов в рейхстаге. «Независимцы» сыграли важную роль в событиях Ноябрьской революции, однако так и не смогли найти свое место между умеренными социал-демократами, настроенными на союз с либералами и сотрудничество с военными, и требовавшими мировой революции коммунистами из группы «Спартак». После 1920 г. партия раскололась, левые вошли в состав КПГ, а правые вернулись в состав СДПГ.

та и Шейдемана»³³. При германской администрации они не больно-то преуспели, хотя помимо действительно опасных субъектов довольно жестко обходились и с людьми поистине безвредными. Германская социал-демократия помещать этому не смогла. Этим и было вызвано ожесточение, несколько смягченное только тем, что теперь я смог обещать определенные послабления и улучшение ситуации. В остальном же они вовсе не думали действовать в интересах латышской нации так же, как это делают по отношению к своему народу германские «независимцы»³⁴. Латышские социалисты были чуть ли не шовинистами, а когда я обратил их внимание на их же теоретическую установку на интернационализм, они оправдывали свое поведение словами: «Мы, латыши, – угнетенная нация!» А теперь таковой стали уже мы, немцы.

³³ **Филипп Шейдеман** (нем. Philipp Heinrich Scheidemann; 1865–1939) был одним из самых известных лидеров правого крыла германских социал-демократов, а взятый им с 1 августа 1914 г. курс на «оборончество» и «гражданский мир» привел к тому, что его почти непрерывно проклинала большевистская пропаганда. В таком утверждении нет ничего удивительного, если принять во внимание постоянные компромиссы СДПГ с германским правительством, в том числе согласие, несмотря на все оговорки, на условия Брестского мира и Добавочного договора к нему от 27 августа 1918 г., определявшие судьбы Прибалтики без всякого учета мнения ее коренного населения.

³⁴ А. Винниг в 1920–1921 гг. продолжал вести ожесточенную политическую дискуссию с НСДПГ, обвиняя ее в прямом предательстве национальных интересов Германии ради большевистских (как он считал) идеалов. В конце 1920 г. левая часть НСДПГ действительно объединилась с компартией Германии, а в 1922 г. оставшиеся умеренные вернулись в состав СДПГ.

В лице врача Калнина³⁵ я познакомился с латышом-радикалом, причем самого резкого тона и непримиримых взглядов. Всякая беседа с ним после нескольких предложений превращалась в обмен резкостями, что доставляло немало

³⁵ Речь идет о **Паулсе Калниньше** (*латыш.* Pauls Kalniņš; 1872–1945), латышском враче и политике. После окончания гимназии в Либаве изучал естествознание в Московском университете и в 1898 г. получил диплом врача в Юрьевском (ныне Тартуский) университете. В политическую стихию окупился в качестве «новотеченца». Участник революционных событий 1905 г., сотрудник редакции социал-демократической газеты «Борьба» (*латыш.* Cīņa). Несмотря на некоторый радикализм взглядов, с большевиками в идейных позициях и тактических вопросах разошелся, в 1918–1924 гг. председатель ЦК ЛСДРП. Видный парламентский деятель: числился по партийной квоте в составе Народного совета Латвии (1918–1920), провозгласившего 18 ноября 1918 г. независимость, избирался депутатом Учредительного собрания (1920–1922), принявшего конституцию (*латыш.* Satversme), был депутатом всех четырех Сеймов Латвии, неизменно председательствуя в них. После государственного переворота 15 мая 1934 г. и установления авторитарнонационалистической диктатуры Карлиса Ульманиса он был заключен под стражу. В период установления советской власти в Латвии (1940–1941) репрессиям не подвергался. При этом его сын **Бруно Калниньш** (*латыш.* Bruno Kalniņš; 1899–1990), также бывший партийным социал-демократическим функционером, публицистом и депутатом всех Сеймов Латвии, по возвращении из политической ссылки в Швеции стал начальником полуправления Народной армии Латвии (с июля по сентябрь 1940 г.). В период нацистской оккупации П. Калниньш участвовал в подпольном «Латвийском центральном совете» (ЛЦС), отметившемся в 1944 г. рядом деклараций и меморандумов с призывом к германским властям и западным союзникам восстановить независимость Латвии. Незадолго до бегства состава ЛЦС из Риги от приближающейся Красной армии П. Калниньш был провозглашен в своем кругу «исполняющим обязанности президента государства» (на «основании» бывшего председательства в разогнанном Ульманисом Сейме). В ноябре 1944 г., при попытке бегства в Швецию, задержан немецкими моряками и препровожден в Данциг. Умер в Австрии.

забот и огорчений нашему любезному хозяину Скубику. В ходе войны несколько германских социал-демократов побывали в Риге. Двое из них – Эрнст

Хайльманн³⁶ и Адольф Кестер³⁷, который был потом министром иностранных дел в кабинете Мюллера, – позднее записали свои впечатления, вызвав известное озлобление латышей. Теперь все это мне и поставили в упрек. Я объяснил, что эти двое являются моими близкими товарищами по партии, считаются одними из лучших наших писателей и одной из самых крепких опор политики нашей партии. С господином Калниным я в пух и прах разругался, ведь его оскорбления в адрес германской социал-демократии переходили всякие границы, так что и мне приходилось грубить, потому че-

³⁶ **Эрнст Хайльманн** (нем. Ernst Neilmann, 1881–1940), германский политик, член СДПГ, в которой примыкал к крайне правому ее крылу, требуя во время Великой войны расширения территории Германии. Выходец из еврейской мелкобуржуазной семьи. Получил юридическое образование, возглавлял ряд партийных газет. Около года воевал добровольцем в кайзеровской армии, но после тяжелого ранения вернулся в конце 1916 г. в тыл. С 1919 г. член прусского ландтага, а в 1928–1933 г. депутат рейхстага, где яростно боролся с нацистами. Летом 1933 г. арестован, остаток своей жизни провел в концлагерях, казнен в Бухенвальде.

³⁷ **Адольф Кестер** (нем. Adolf Roster, 1883–1930), германский публицист и политик, член СДПГ. В годы Великой войны был военным корреспондентом, работал и на официальную пропаганду. С 1919 г. занимал ряд постов в прусской провинции Шлезвиг-Гольштейн, 10 апреля – 8 июня 1920 г. – министр иностранных дел в кабинете Г. Мюллера, 26 октября 1921 г. – 14 ноября 1922 г. – министр внутренних дел в правительстве Й. Вирта. Кроме того, в 1921–1924 гг. был членом рейхстага. В 1923–1928 гг. – был посланником в Риге, затем переведен в Белград, где и скончался.

ловек этот отныне стал моим врагом. Отправленные им в Берлин жалобы, которые были переданы мне Давидом, как я выяснил, соответствовали действительности лишь в самой малой степени.

Совершенно иной тип являл собой доктор Мендерс³⁸, глава журналистики латышских социал-демократов. Он был человеком спокойным, а в политических вопросах оппортунистом. За недолгое время владычества большевиков он так настрадался, что теперь непоколебимо отстаивал антибольше-

³⁸ **Фрицис Мендерс** (*латыш.* Frīcis Menders; 1885–1971), латышский политик, публицист, видный участник социал-демократического движения (с 1904 г.). В 1907 г. бежал из ссылки в Енисейской губернии. С 1907 по 1917 г. жил в изгнании, изучал народное хозяйство, право и социологию в Вене, Берне и Брюсселе. В 1912 г. становится членом Зарубежного комитета Латвийской социал-демократической партии. В 1917 г. выбран членом исполкома Рижского совета рабочих депутатов, руководил его информационным отделом. После оккупации Риги германскими войсками участвовал в «Демократическом блоке», за что был исключен из партии. С 1918 г. член ЦК ЛСДРП, сторонник его левого крыла. Член Народного Совета, депутат Учредительного собрания, I–IV Сеймов. В 1931–1934 гг. председатель ЛСДРП. После государственного переворота 15 мая 1934 г. и установления авторитарнонационалистической диктатуры Карлиса Ульманиса он был заключен под стражу. После освобождения в апреле 1935 г. из Лиепайского концлагеря работал поверенным адвокатом, участвовал в деятельности нелегальной Латвийской социалистической рабоче-крестьянской партии. С установлением советской власти в 1940–1941 гг. – консультант отдела кодификации Наркомата юстиции Латвийской ССР. После Второй мировой войны Мендерс работал юрисконсультom в Наркомате местной промышленности (1945–1947) и Министерстве просвещения (1947–1948) Латвийской ССР. В 1948 г. арестован, находился в заключении. В 1955 г. освобожден из лагеря в Мордовской АССР, проживал в Латвии. Из-за острой антисоветской публицистики в 1960-е гг. вновь подвергался политическим репрессиям.

вистскую линию. Насколько я смог убедиться, он был единственным латышским социалистом, который действительно овладел социалистическими теориями. Он был искренним сторонником прогерманского курса. Германская же администрация всегда относилась к представителям таких кругов исключительно с полицейской, но только не с политической точки зрения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.